

Трещины и разломы: внешнеполитические ориентиры западнобалканских столиц в условиях украинского кризиса

Е.С. Арляпова¹, Е.Г. Пономарёва²

¹ Институт системно-стратегического анализа (ИСАН)

² Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Украинский кризис нашёл ощутимый отклик в самом нестабильном регионе юга Европы – на Балканах, выделил многочисленные трещины и разломы, исторически свойственные этой геополитической зоне, более отчётливо очертил линии разделения не только государств, но обществ и этно-религиозных групп. Внутри-региональные противоречия в целом ряде случаев усиливаются требованиями внешних игроков. В статье на примере государств формата «пять плюс один» (Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Черногория и частично признанная «Республика Косово») показана зависимость динамики внешнеполитических приоритетов и ориентиров западнобалканских столиц от кризисных явлений в системе международных отношений. На основе широкого круга источников начиная от официальных документов и заканчивая результатами социологических опросов по внешнеполитической проблематике выявлены региональные расхождения в восприятии и оценке украинского конфликта. Положенные в основу исследования историко-системный подход и принципы неореализма позволили зафиксировать вероятные направления активности политических институций на внешнем контуре. Проведённый анализ позволяет утверждать, что в регионе сохраняется довольно хрупкий «баланс угроз», который в значительной степени зависит не от сил и интересов региональных субъектов, а от целей и интересов внешних игроков – мировых центров силы – ЕС, НАТО, США, России, в наименьшей степени – Китая и Турции. Военно-политическое размежевание 2022 г. повторяет расстановку локальных игроков 2014 г., но с существенной разницей: Запад требует от всех участников формата «пять плюс один» полного соответствия совместной внешней политике, в том числе в отношении ограничительных мер, направленных против России. Такая ситуация ставит перед тяжёлым выбором Белград и Бая-Луку, которые не могут не учитывать поддержку действий России

УДК: 327

Поступила в редакцию: 21.12.2022 г.

Принята к публикации: 02.04.2022 г.

подавляющим большинством сербского населения. Любые антироссийские шаги официальных институтов способны привести к серьёзному внутривнутриполитическому конфликту как в Сербии, так и в Республике Сербской, что неминуемо отразится на региональной стабильности.

Ключевые слова: Западные Балканы, «пять плюс один», внешняя политика, ЕС, НАТО, Россия, Китай, США, украинский кризис

Текущее противостояние России и Запада не только обострило общую международную обстановку, кризис также отразился на регионах, не вовлечённых в него напрямую – иными словами, «грандиозный раскол» становится причиной переоценки национальных интересов» (Дуткевич 2022: 27). На Балканах на фоне украинских событий стали более отчётливыми линии разделения не только государств, но обществ, регионов, социальных групп. Дополнительное напряжение придаёт потенциальная возможность региона вновь оказаться втянутым в череду открытых конфликтов, прежде всего, по линии этнополитических расколов: сербы – косовские албанцы; сербы – боснийские мусульмане и, возможно, хорваты; македонцы – македонские албанцы. Подобные опасения всё чаще высказывают не только эксперты, но и лидеры балканских стран. Сопровождающие их нарративы существенно разнятся – в зависимости от внешнеполитических ориентаций спикеров, «принадлежности» к тому или иному лагерю конкретных региональных игроков. Кроме того, в каждом регионе есть явные гегемоны в «грамшианском» смысле¹, способные влиять на формирование региональных порядков². В этой связи анализ внешнеполитических устремлений балканских стран в условиях развивающегося мирового кризиса, фиксация изменений (при наличии) и прогнозы развития (по возможности) представляет не только сугубо эвристический, но и политико-практический интерес.

Географически работа охватывает государства формата «пять плюс один» – это Албания, Босния и Герцеговина (БиГ), Северная Македония, Сербия, Черногория и территория Косово («западнобалканская шестёрка» в интерпретации стран, признавших независимость самопровозглашённой политики). Хронологически исследование ограничивается 2022 г., что не исключает, а в ряде слу-

¹ Гегемония в «грамшианском» смысле означает не военное или экономическое господство одной страны над другими, а, скорее тот факт, что все в системе принимают чьё-то лидерство и признают легитимность связанных с ним институтов.

² Makei V. 2022. Liberal International Order: Can it Be Saved in Today's Non-Hegemonic World? *Russia in Global Affairs*. 10.11.2022. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/liberal-international-order/> (accessed 15.06.2023).

чаев даже требует обращения к предшествующим периодам для наиболее полного раскрытия темы, особенно в контексте рассмотрения албанского фактора внешней политики в регионе.

Базовыми методологическими подходами стали историко-системный, оптимально подходящий для детального прослеживания траектории развития и изменений во внешнеполитических устремлениях и практической внешней политике балканских игроков – в чёткой связи с общей и региональной канвой событий, а также неореализм. Последний особенно актуален в контексте «революции» К. Уолтца, который в теории системных регуляторов международных отношений учёл наработки либеральной школы. В частности, при определении долгосрочных правил межгосударственного взаимодействия необходимо намерение мирополитических гигантов не рассматривать войну в качестве альтернативы переговорному процессу решения существующих и возникающих проблем (Waltz 2010). Важным дополнением к разработкам Уолтца в рамках данного исследования стала концепция «баланса угроз» С. Уолта. Он предложил четыре критерия, по которым можно определить потенциальную угрозу международного и в данном случае – регионального – конфликта: экономический потенциал, географический ресурс, военные возможности и наличие/отсутствие агрессивных, в том числе ревизионистских замыслов. Поскольку чаще всего этой стратегии стараются следовать малые и средние игроки, «баланс угроз» определил понятие «силы (власти) от угроз» (Фененко 2019: 69; Walt 2013). Игроки верхнего уровня, внешние по отношению к региону, несмотря на определяющую роль и значение для Балкан, намеренно выведены за рамки основного исследовательского фокуса и рассматриваются с позиции внешнего фактора, центров силы и притяжения для локальных участников.

Основная исследовательская задача – определить внешнеполитические приоритеты и ориентиры западнобалканских политий под давлением кризиса системы международных отношений, выявить региональные расхождения в восприятии и оценке украинского конфликта, обозначить вероятные тренды активности западнобалканских столиц на внешнем контуре.

Сказанным определяется набор задействованных в работе источников. Это официальные документы, выступления политических лидеров и оппозиции, национальные стратегии, статистические материалы, результаты проведённых в 2020–2022 гг. опросов по внешнеполитической тематике, в целом, и прицельно – по отношению к украинскому кризису и его участникам. В меньшей степени – документы международных организаций, наднациональных структур и институтов. Исключение составила та их часть, которая имеет непосредственное отношение к заявленной цели исследования, а именно многочисленные отчётные материалы по региону в увязке с текущим противостоянием России и Запада – данные активно задействованы в анализе.

Исследовательский фокус на деятельности самих балканских игроков ни в коем случае не направлен на то, чтобы придать им большей субъектности в сфере внешней политики высокого уровня. Вопрос политической «самостоятельности» Балкан давно имеет решение-консенсус: уже более двадцати лет регион видится как «зона стратегической уязвимости» (Ponomareva 2020: 159), сфера приложения сил и влияния крупных держав. Политическое поведение балканских государств в международном контексте, как правило, оценивается и прогнозируется с позиции ожидаемой реакции – в ответ на какое-либо внешнее вмешательство. И даже единичные «внезапные» внешнеполитические инициативы региональных игроков чаще всего подготовлены и скоординированы извне. Внешних центров силы, по отношению к которым рассматриваются приоритеты региональных политических структур, в настоящее время пять: ЕС, США, Великобритания³, Россия и Китай. Турцию, несмотря на довольно активное присутствие в регионе, оставим вне фокуса. В рамках данной работы опускаем важную тему состоятельности главных бенефициаров балканского направления, в том числе внутри номинально крепких союзов. Коснемся её лишь в той мере, в какой она затрагивает проблему «самораспределения» локальных игроков по имеющимся внешнеполитическим опциям.

«Пять плюс один» в категоризации ЕС

В состав «пять плюс один» включается оставшийся квартет стран из состава бывшей Югославии, бывший (de facto) автономный край Сербии – Косово и Метохия и бывший «наименее известный русский сателлит» – Албания (F.N.-B. 1952: 466). Все без исключения бывшие республики ныне официально стремятся в ЕС⁴. Практически у всех за годы стремления накопилась значительная «усталость от ожидания»: её демонстрируют и политические элиты, и общественность. Сходство наблюдается также в официальных причинах промедления вступления в Союз, несмотря на предложенную категоризацию возможных членов, возникшую в ходе новой волны интереса евроструктур к региону. Ещё в 2018 г. Еврокомиссия разделила «шестёрку» на три категории: Сербия (несмотря на позицию по Косово) и Черногория считались фаворитами: они в большей степени выполнили требования для интеграции; Албания и Македония сформировали группу ожидающих предметных переговоров с Брюсселем, а БиГ и Косово получили тогда статус потенциальных кандидатов⁵. С того времени,

³ Несмотря на не всегда очевидное присутствие Лондона в публичном пространстве балканской политики, начиная с XIX в. и до настоящего времени Великобритания играет важную роль в формировании внешнеполитической повестки региональных элит (Виноградов 1991; Никулин 2018; Hodge 2010).

⁴ Премьер Косово подал заявку на вступление в ЕС. 2022. *РИА Новости*. 15.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221215/vstuplenie-1838956140.html?ysclid=lbroxefy5512678809> (дата обращения: 15.06.2023).

⁵ *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions*. Strasbourg. 6.02.2018. P. 7. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf (accessed 15.06.2023).

несмотря на глобальные трансформации мировой политики начиная от пандемии COVID-19 и заканчивая украинским кризисом, полностью изменившим «баланс угроз», положение балканских интегрантов для ЕС остаётся прежним. Предоставление БиГ статуса кандидата не меняет общую картину⁶ – балканские страны приводят к европейским стандартам свою внутреннюю и внешнюю политику годами.

За формулировками о неполном соответствии критериям членства в ЕС стоят глубинные проблемы всего региона: неконкурентная экономика, многоуровневая коррупция, слабая судебная система, ангажированные СМИ, организованная преступность и даже включённость (прежде всего, это касается Албании и Косово) в сети международного терроризма (Пономарёва 2018). Все это применимо ко всем единицам из «пяти плюс один».

Ранжирование стран, по большому счёту, отдаёт должное имеющейся разнице в степени выраженности этих явлений в конкретных государствах (в частности, Сербии и Черногории) и служит внешнеполитическим целям момента. Вообще «для Брюсселя и западноевропейских лидеров основной мотив разговоров о потенциальном расширении – внешнеполитический» (Кандель 2018: 18). Помимо опасений, что неспособность ЕС выработать и предложить согласованную политику в отношении перспектив расширения на Западные Балканы поставит под сомнение эффективность концепции стратегической автономии Евросоюза (Щербак 2021: 42), сюда же относится риск утраты влияния в регионе в пользу «геополитических конкурентов». Поэтому с момента активизации украинского кризиса и особой пророссийской позиции не столько даже официального Белграда, сколько подавляющего большинства сербов (где бы они ни проживали) внешнеполитическая цель евроинтеграции приобрела открыто жёсткий характер. Всё отчетливее звучат пожелания европейских чиновников к консолидации и усилению возможностей ЕС, к «ощутимому приближению» к Западным Балканам. Иными словами, не только институты и возможности Евросоюза оказываются в центре внимания балканских столиц.

Еврокомиссия напрямую связывает вступление Сербии в Союз не только с фактическим признанием Косово по реанимированной в ноябре 2022 г. модели «двух Германий»⁷, но и с присоединением к антироссийским санкциям. По-

⁶ Боснии и Герцеговине согласовали статус кандидата на вступление в ЕС. 2022. *РИА Новости*. 13.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221213/evrosoyuz-1838343774.html?ysclid=lbpr7p6qs2982933693> (дата обращения: 15.06.2023).

⁷ Идея международной легализации «Республики Косово» (РК) на основе модели сосуществования ФРГ и ГДР впервые появилась в рамках венских переговоров по статусу края в конце 2007 г. и принадлежала тогдашнему посреднику от ЕС, немецкому дипломату В. Ишингеру. Он сослался при этом на подписанный в 1972 г. основополагающий договор Берлина и Бонна, который признавал суверенитет двух немецких государств в границах, сложившихся де-факто. Документ позволил им развивать тесные экономические и политические связи и одновременно не исключал будущее мирное воссоединение немцев, что должно было бы привлечь к проекту сербов. Договор позволил ФРГ и ГДР получить в 1973 г. места в ООН, а это, как указывал Ишингер, могло бы понравиться косовским албанцам. Таким образом, по мнению Ишингера и ряда международных экспертов, можно было бы преодолеть «паралич» вокруг РК.

следнее, по словам А. Вучича, может иметь место только в том случае, «если буквально Дамоклов меч будет висеть у нас над головой»⁸. Пока экономический «меч» над сербской головой не воздвигнут, но в который раз прозвучали призывы и предупреждения, а также крайне накалилась ситуация в сербских муниципалитетах Косово⁹.

На «историческом», по словам председателя Европейского совета Ш. Мишеля¹⁰, саммите ЕС – Западные Балканы, который состоялся 6 декабря 2022 г. в Тиране, была не только подтверждена «полная и недвусмысленная приверженность перспективе членства в ЕС Западных Балкан» и содержался призыв «к ускорению процесса вступления, основанного на заслуживающих доверия реформах». В документе акцентировалась необходимость движения «в направлении полного соответствия совместной внешней политике и политике безопасности Евросоюза и к соответствующим действиям, в том числе в отношении ограничительных мер ЕС»¹¹. Как видим, конкретных дисциплинарных наказаний Сербии нет, но есть настойчивое пожелание «в отношении ограничительных мер», которое может иметь вполне конкретное наполнение.

Отказ Белграда следовать в антироссийском санкционном фарватере, определённом европейской бюрократией ещё в 2014 г. и доведённом до крайности после февраля 2022 г., неслучайно вызывает раздражение в Брюсселе. С каждым месяцем украинского кризиса европейское влияние снижается: ЕС видит риск потери контроля над регионом в пользу своих геополитических союзников. И это никак не соотносится с решимостью ЕС «и далее позиционировать себя в качестве монолитного глобального центра силы» (Князева 2021: 178). На деле Евросоюз теряет былые позиции.

Например, Албания, очерчивая контуры своей внешней политики в регионе, упоминает о поданной в апреле 2009 г. заявке на членство в ЕС, однако свой «новый статус и роль в международных отношениях» напрямую связывает с состоявшимся вступлением страны в НАТО¹². В Министерстве иностранных дел Албании отмечают, что «став государством-членом НАТО, Албания выполнила стратегическую цель и главную задачу внешней политики»¹³. При этом отли-

⁸ Вучич: Сербия введёт санкции против России только под «Дамокловым мечом». 2022. *РИА Новости*. 10.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221110/sanktsii-1830619931.html?ysclid=lbc0mac24b227038643> (дата обращения: 15.06.2023).

⁹ Сербии хотят наказать за поддержку России. 2022. *РИА Новости*. 12.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221212/serbiya-1837975673.html?ysclid=lbrmbbmr9g368033322> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁰ ЕС подтвердил планы интеграции Западных Балкан в союз при условии добросовестных реформ. 2022. *Интерфакс*. 6.12.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/875661> (дата обращения: 15.06.2023).

¹¹ *Tirana Declaration*. 6 December 2022. EU-Western Balkans Summit. Tirana, Albania. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/60568/tirana-declaration-en.pdf> (accessed 15.06.2023).

¹² Albania in the region. 2016. *Ministry for Europe and Foreign Affairs of Republic of Albania*. URL: <https://punetegashtme.gov.al/en/shqiperia-ne-rajon/> (accessed 15.06.2023).

¹³ Albania in NATO. 2017. *Ministry for Europe and Foreign Affairs of Republic of Albania*. URL: <https://punetegashtme.gov.al/en/shqiperia-ne-nato/> (accessed 15.06.2023).

чительной чертой кейса в ряду других балканских случаев стало полное общественное одобрение этого шага. По данным Министерства обороны Албании, около 89% граждан и все ведущие политические силы страны поддержали эту инициативу¹⁴.

Последующая волна расширения НАТО в регионе прошла гораздо драматичнее. После Албании (и Хорватии) ещё две страны региона стали членами блока: Черногория в июне 2017 г. и Северная Македония (СМ) в марте 2020 г. Их вхождение в альянс не сопровождалось общественным консенсусом, как это было в Албании. Однако он и не потребовался: невзирая на вынужденную отмену референдума в Черногории и сомнительные итоги голосования в СМ, все государства-члены НАТО ратифицировали их присоединение к блоку. Глубокий раскол в обществе обеих стран по данному вопросу не только не стал скольконибудь серьёзным препятствием, он вообще не был принят в расчёт (Arlyarova, Ponomareva, Prorokovic 2022: 213-214).

Именно поэтому представляется, что кажущаяся нерешаемой задача вхождения в НАТО Боснии и Герцеговины (с учётом противодействия главного противника альянса на Балканах в лице интегрального сербского сообщества) может оказаться блоку вполне по силам. Тем более, риторика в отношении ещё не вошедших в альянс балканских стран вновь оживилась на фоне украинского кризиса. Летом 2022 г. президент Словении Б. Пахор призвал к скорейшей интеграции БиГ¹⁵, а осенью альянс сообщил об «усилении политического диалога»¹⁶ с Сараево и Белградом. Фактор НАТО, таким образом, занимает доминирующее положение в регионе, уводя в сторону, нивелируя или даже замещая значимость ЕС. В военно-политическом плане гегемон для западнобалканской «шестёрки» предопределён. В то же время социально-экономические притягивающие факторы ЕС всё ещё имеют значение как для местных элит, так и для внерегиональных игроков (прежде всего, речь о Китае и Турции, которые заинтересованы в скорейшей евроинтеграции региона), но уже с гораздо большими оговорками.

Косовский триггер евро-атлантических перспектив балканских «Германий»

Более двух десятилетий косовский вопрос остаётся определяющим для интеграционных перспектив Сербии и самопровозглашённой полинии, возникшей на части её исторической территории. Несмотря на осязаемое присутствие

¹⁴ History of NATO-Albania relations. *Ministry of Defense of Republic of Albania*. URL: <https://www.mod.gov.al/eng/security-policies/reasons-with/nato/88-history-of-nato-albania-relations> (accessed 15.06.2023).

¹⁵ EU, NATO must back Western Balkan integration amid Ukraine war, says Slovenia. 2022. *North Atlantic Treaty Organization*. 29.08.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/eu-nato-must-back-western-balkan-integration-amid-ukraine-war-says-slovenia-2022-08-29/> (accessed 15.06.2023).

¹⁶ NATO strengthens political dialogue with Serbia and Bosnia and Herzegovina. 2022. *Reuters*. 14.11.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_209051.htm (accessed 15.06.2023).

в регионе, НАТО пока не удаётся формализовать свои отношения с самопровозглашённым субъектом. В кейсе Косово проблема не в отсутствии общественного консенсуса, который, как показал балканский опыт экспансии НАТО, вовсе не является обязательным элементом. Главным препятствием стала позиция четырёх действующих членов договора в отношении Приштины – Греция, Испания, Румыния и Словакия не признают её независимости от Сербии. Вплоть до обострения международной обстановки зимой 2022 г. это препятствие позиционировалось как «слишком существенное, поскольку блокирует любые возможности интеграции в НАТО»¹⁷. Тщётность усилий и напрасность ожиданий подчеркнута даже в названии цитируемого документа: «Будущее Косово в НАТО. Как сделать круг квадратом?»

Тем не менее сразу после начала украинских событий, а точнее – через три (!) дня, Приштина предприняла очередную попытку форсировать интеграцию. Ею было запрошено ускоренное членство в НАТО и постоянная военная база США на территории непризнанной республики¹⁸. А уже 10 марта 2022 г. новая глава политики В. Османи обратилась с письмом к Дж. Байдену, где выразила «веру и ожидание, что США используют своё лидерство и влияние для активной поддержки и продвижения сложного процесса получения членства Косово в НАТО»¹⁹.

На этом этапе был прорисован лейтмотив данного и всех последующих аналогичных обращений. Им ожидаемо стала «российская угроза». Позднее Османи пояснила: «Они (Россия – *авт.*) особенно заинтересованы в нападении на Косово, Боснию и Герцеговину и, в некоторой степени, также на Черногорию (члена НАТО)»²⁰. С призывом к Брюсселю как столице ЕС и НАТО переосмыслить подходы к расширению обеих структур обращался и премьер-министр непризнанного образования А. Курти. Его аргументация была также прямолинейна: в условиях российской угрозы для безопасности Балкан и, особенно, Косово – самое время отойти от старых правил и пересмотреть процесс и процедуру интеграции²¹.

¹⁷ Kosovo's NATO Future. How to Square the Circle? Policy Brief. Clingendael. 2020. *Netherlands Institute of International Relations*. December 2020. P. 1. URL: <https://natolibguides.info/balkans/reports> (accessed 15.06.2023).

¹⁸ С 2000 г. недалеко от г. Урошевац (южнее Приштины) действует крупнейшая в Юго-Восточной Европе военная база американского контингента в составе международной миссии KFOR – Camp Bondsteel.

¹⁹ Kosovo president asks Washington for help in joining NATO. 2022. *Reuters*. 17.03.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/kosovo-president-asks-washington-help-joining-nato-2022-03-17/> (accessed 15.06.2023).

²⁰ Kosovo, Bosnia call for NATO membership as war rages in Ukraine (interview with Kosovo's president and Bosnia's defense minister). *Aljazeera*. 05.04.2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/4/5/nato-membership-indispensable-for-kosovo-bosnia-leaders> (accessed 15.06.2023).

²¹ Make membership easier, Kosovo PM tells NATO, EU. 2022. *France24*. 08.03.2022. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20220308-make-membership-easier-kosovo-pm-tells-nato-eu> (accessed 15.06.2023).

В очередной раз Косово стало триггером балканской политики летом 2022 г., когда Приштина заявила о введении новых правил для автомобилей с сербскими номерами. Опять же Приштина пыталась «играть на двух скрипках»: обращение за поддержкой было адресовано и в Брюссель (ЕС), и в Вашингтон. В результате после «игры мускулами» (резкой риторики с обеих сторон, стягиванием к границам спецназа и военных формирований) в конце ноября 2022 г. Курти заявил, что до весны 2023 г. «должно быть подписано соглашение о полной нормализации отношений». Причём в основу возможных соглашений, по его словам, будет «положен франко-немецкий план, который поддержали ЕС и США, а нормализация будет во многом происходить по “модели двух Германий”, что обеспечит членство Косово в международных организациях, включая ООН»²².

Однако, это взгляд из Приштины. Реакция официального Белграда была вполне предсказуема. Сербское общество очень исторично и политизировано, а «утрата и отщипление Косово» – главный триггер любых политических событий. Поэтому, когда даже сам факт переговоров Белграда с Приштиной невероятно травмирует сербское общество, можно с уверенностью предсказать будущее любого правительства, которое пойдет на «взаимное уважение суверенитета». Таким образом, пока будет существовать нерешённость косовского вопроса, путь в ЕС и в НАТО закрыт как для Белграда, так и для самопровозглашенной столицы.

Несмотря на всю медийную раскрутку косовского случая, особенно в его привязке к будущему Сербии – главного пророссийского игрока в регионе, в контексте политики «пересмотра расширения НАТО на Западных Балканах» фигурирует большей частью Босния и Герцеговина и иногда Сербия, но никак не Косово²³. Хотя на заре вооружённого конфликта на Украине многие аналитики, включая российских, допускали возможность косовской администрации «продать решения, которые ещё две недели назад вряд ли бы вызвали поддержку стран ЕС»²⁴, и заполучить искомое членство в исключительном порядке с учётом сложившейся геополитической ситуации.

Надо сказать, что для допущений были основания. Притязания на членство Косово в НАТО активно поддержали Турция и Хорватия. Р. Торрес, демократ, представитель штата Нью-Йорк в Конгрессе США, писал в защиту устремлений Косово президенту и госсекретарю США²⁵. Активность Приштины по другим,

²² Сысоев Г. 2022. Серию делят на две Германии. *Коммерсантъ* 27.11.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5692651?ysclid=lb491f75p860773793> (дата обращения: 15.06.2023).

²³ Čančar I.F. 2022. Rethinking NATO engagement in the Western Balkans. *NDC Policy Brief*. 11-22. 20.06.2022. URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1719> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁴ Сыграть на кризисе: как Косово собирается в ускоренном режиме вступить в НАТО и разместить у себя базу США. 2022. *RT*. 28.02.2022. URL: <https://russian.rt.com/world/article/969045-kosovo-nato-voennaya-baza-ssha> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁵ Levine J. 2022. Rep. Ritchie Torres calls for NATO to admit Kosovo. *New York Post*. 05.03.2022. URL: <https://nypost.com/2022/03/05/rep-ritchie-torres-calls-for-nato-to-admit-kosovo/> (accessed 15.06.2023).

сопряжённым с членством в НАТО направлениям, тоже встречала понимание: в марте 2022 г. правительство планировало получение статуса кандидата в члены ЕС до конца года²⁶. На данном этапе ожидания выглядят чрезмерно оптимистичными, несмотря на поданную 15 декабря заявку на членство в ЕС.

А вот интерес к Боснии и Герцеговине с разных сторон действительно вырос многократно. Она в главном фокусе: в аналитических материалах и в СМИ, в том числе российских. Последние освещают вопрос потенциального членства страны в альянсе преимущественно сквозь призму противодействия этому процессу Республики Сербской²⁷. Широко растиражировано заявление главы республики М. Додика о поддержке европейского пути развития страны, но несогласии с её интеграцией в Североатлантический союз: «Как только вы упоминаете НАТО, для меня это синоним обеднённого урана и ничего больше»²⁸. Думается, что заявление политика будет неоднократно цитироваться в западной прессе и аналитике, так же, как ранее слова российского посла в Сараево в ответ на возможное «практическое сближение Боснии и Герцеговины и НАТО»²⁹.

Сербия: от имиджа регионального деструктора к образу страны-угрозы

Ситуация с Сербией у НАТО остаётся неизменной. Официальная риторика организации сообщает об идущем политическом диалоге и сотрудничестве по ряду отдельных вопросов, представляющих взаимный интерес. При этом необходимо признать, что «хотя Сербия стремится к членству в ЕС, в отличие от других партнёров на Западных Балканах, она не желает присоединиться к Североатлантическому союзу»³⁰. За достаточно сдержанными формулировками скрыто сильнейшее давление, которое, как уже отмечалось выше, оказывается на руководство страны на постоянной основе. Это касается не только Сербии. Всем региональным игрокам перманентно предлагается провести политический аудит с целью взвесить угрозу отчуждения от США и ЕС и сравнить потенциальную потерю с потенциальной выгодой от положительного взаимодействия с другими партнёрами, присутствие которых в регионе открыто определяется интегральным Западом как крайне нежелательное.

²⁶ Russia's war further divides the Balkans. 2022. *GIS*. 24.03.2022. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/russia-ukraine-balkans/> (accessed 15.06.2023).

²⁷ Додик заявил, что не допустит вступления Боснии и Герцеговины в НАТО. 2022. *РИА Новости*. 24.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221124/nato-1833963388.html> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁸ Додик: Республика Сербская не допустит интеграции Боснии и Герцеговины в НАТО. 2022. *RT*. 24.11.2022. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1078079-dodik-respublika-serbskaya-nato> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁹ Посольство России предупредило об ответе в случае сближения Боснии и НАТО. 2021. *РБК*. 19.03.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/03/2021/6053de319a7947a56fcc3735> (дата обращения: 15.06.2023).

³⁰ Relations with Serbia. 2022. *NATO*. 23.05.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50100.htm (accessed 15.06.2023).

Неудивительно, что в контексте взаимодействия с «нежелательными» субъектами особое место отведено как раз Сербии – стране с традиционными связями с Россией, а, кроме того, с новой ролью главного транзитного узла в инициированном Китаем проекте «Пояса и пути». Общая тенденция восприятия таких масштабных инициатив другими глобальными внешними игроками охарактеризована исследователями как «повышение градуса беспокойства по поводу среднесрочного и долгосрочного будущего балканского региона» (Пономарёва, Крыканов 2021: 118).

В плане безопасности градус повышен настолько, что созданный ранее и надёжно закреплённый за Сербией имидж деструктора (который актуализировался или дезавуировался в зависимости от обстоятельств) всё настойчивее трансформируется в ярлык страны – угрозы региональной стабильности и мира, что формирует дискурс нарушения «баланса угроз».

Так, американский Институт исследований внешней политики в марте 2022 г. посчитал, что пришло время «открыто рассматривать Сербию такой, какая она есть: верный союзник России и Китая, управляемый полуавторитарным правительством, которое активно проводит идеологически ирредентистскую территориальную экспансию на Западных Балканах»³¹. Сегодняшняя Сербия, по мнению экспертов центра, представляет угрозу не только региональной, но и трансатлантической безопасности.

Отчёт недвусмысленно называет Россию и Китай противниками США, причём, не только на балканском направлении. Стоит отметить, что 30 страниц документа содержат 11 упоминаний США, 45 – Китая, 72 – России. Последние («злонамеренные иностранные державы») обвиняются в интенции изолировать Западные Балканы от трансатлантического сообщества. Сербия призвана покаяться в «прошлых грехах» («зверствах, совершенных во время распада Югославии», преступлениях против человечности), без чего страна, по мнению авторов и заказчиков данного материала, не имеет будущего в формате открытого демократического общества, крепко интегрированного в евро-атлантическое партнёрство.

Vox populi:

внешнеполитические приоритеты сербского населения

О сближении Сербии с Россией и Китаем говорят данные опросов, проведённых по инициативе Белградского центра политики безопасности в 2020 г. Согласно их результатам, «сербские граждане определяют Россию и Китай как

³¹ Kraemer R. Serbia on the Edge. 2022. *Foreign Policy Research Institute. Eurasia Program*. P. 2. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2022/03/serbia-on-the-edge-issuu.pdf> (accessed 15.06.2023).

своих лучших друзей»³²: 40% респондентов высказались за Москву, 16% – за Пекин, который и оказался на втором месте в этом списке. При этом 72% опрошенных уверены в положительном влиянии России на Сербию (рост на 11% по сравнению с 2017 г.), 90% – в положительном китайском влиянии (рост 30% к 2017 г.). Многочисленные акции в поддержку России после 24 февраля 2022 г., собирающие тысячи людей на улицах сербских городов, говорят о том, что отношение к «лучшим друзьям» не изменилось. Это крайне болезненно воспринимается Брюсселем и Вашингтоном.

В случае Сербии российский фактор «раздражения» заметно дополнился китайским. Рассмотрим в данном контексте восприятие сербскими респондентами китайской помощи стране во время пандемии: 75% опрошенных уверены, что она была наибольшей среди всех остальных; и только 3% респондентов назвали главным донором ЕС, коим он действительно является, согласно официальной статистике³³.

«Дипломатия масок и вакцин» Пекина имела ошеломляющий успех, позволив ему завоевать, а точнее – отвоевать у геополитических конкурентов признание сербской общественностью в качестве главного помощника страны и её граждан в деле борьбы с пандемией. Сопроводительной информационной кампании с активным вовлечением сербских политиков самого высокого уровня посвящено довольно много аналитических отчётов и материалов, включая критические – с акцентом на непрозрачности расчётов с китайской стороной, неоднозначный статус оказанной помощи, необоснованности её позиционирования как наибольшей и безвозмездной. Так или иначе, цель достигнута – независимо от возраста, пола, места проживания сербы уверенно демонстрируют выраженное положительное отношение к Пекину и его инициативам.

Результаты опросов, в общем, совпадают с итогами более масштабного проекта по изучению общественного мнения относительно усиления Китая, проведённого при поддержке Европейского фонда регионального развития примерно в то же время (осень 2020 года) в 13 европейских странах³⁴. Большинство сербских респондентов – более 60% – выразили «однозначно положительный взгляд на Китай»³⁵. Оставшаяся часть разделилась почти поровну: с нейтральным и

³² Many Faces of Serbian Foreign Policy. Public Opinion and Geopolitical Balancing. 2020. *Belgrade Center for Security Policy*. URL: <https://bezbednost.org/wp-content/uploads/2020/11/MANY-FACES-OF-SERBIAN-FOREIGN-POLICY.pdf> (accessed 15.06.2023).

³³ EU Partnership with Serbia: EU Best Partner and Biggest Donor for 20 Years – and in the Front Line against COVID-19. *Delegation of the European Union to Serbia*. 24.04.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/serbia/eu-partnership-serbia-eu-best-partner-and-biggest-donor-20-years-%E2%80%93-and-front_en?s=227 (accessed 15.06.2023).

³⁴ Sinophone Borderlands Europe Survey. 2020. *Palacký University Olomouc*. CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791. URL: https://starfos.tacr.cz/en/project/EF16_019%2F0000791 (accessed 15.06.2023).

³⁵ *Serbian Public Opinion on China in the Age of COVID-19. An Unyielding Alliance?* 2021. URL: <https://ceias.eu/wp-content/uploads/2021/01/SRB-poll-report.pdf> (accessed 15.06.2023).

отрицательным восприятием. Примерно половина опрошенных отметили, что их точка зрения на Китай улучшилась за последние три года, и только 16% отметили её ухудшение.

По итогам опросов, Китай стал одной из зарубежных стран, наиболее положительно воспринимаемых населением в Сербии. По этому показателю его опережают только Россия и, как ни удивительно, Япония. Самое негативное отношение сербы продемонстрировали к странам (в порядке убывания лояльности): Великобритания, США и Северная Корея. Эти итоги вывели Сербию из числа других европейских стран, принявших участие в исследовании.

Во внешнеполитических устремлениях сербских респондентов позиции распределились следующим образом: Россия, Китай, ЕС, США, хотя авторы доклада определили ЕС как самого слабого из четырёх глобальных игроков, отметив низкий уровень доверия сербов к Германии и Франции на фоне высокого – в адрес России и КНР. С точки зрения военной мощи образовался похожий порядок: Россия, Китай, США, ЕС. В плане экономической силы лидером оказался Китай, далее – США, Россия, ЕС.

В ракурсе культурной привлекательности предсказуемо лидировала Россия, однако нельзя сказать, что её позиции недостижимы для следующего за ней Китая и далее – ЕС. Наиболее значительный отрыв здесь наблюдается по отношению к США с низкими показателями привлекательности культуры для населения. США сохранили отстающий статус также в вопросах значимости для экономического развития Сербии (Китай, Россия, ЕС), общего доверия со стороны сербов (Россия, Китай, с большим отрывом – ЕС). Только по части соблюдения прав человека порядок ключевых игроков изменился: ЕС, РФ, США и замыкающий Китай. Применительно к 2021 г. результаты опросов дают ещё более высокие показатели в пользу КНР: 83% сербов назвали её дружественной страной, стабильные три четверти респондентов оценили положительно китайское присутствие³⁶.

Эти результаты подчёркивают успех продвижения восточного партнёра на Балканах и конкретно в Сербии – при всех вопросах к методам, целям, особенностям видения и ведения дел Китай «идеализируется общественным сознанием» (Пономарева, Крыканов 2020: 129). С таким набором восприятий и оценок Сербия фигурирует как олицетворение («poster child»³⁷) китайского влияния.

³⁶ Srbija I svet: Ključni nalazi iz istraživanja javnog mnjenja. 2021. *Center for Free Elections and Democracy*. May 31. URL: <http://www.cesid.rs/istrazivanja/srbija-svet-kljucni-nalazi-iz-istrazivanja-javnog-mnjenja/> (accessed 15.06.2023); *Stavovi građana Srbije prema Kini*. April 2021. URL: <https://iea.rs/wp-content/uploads/2021/04/Stav-gradjana-Srbije-prema-KI-NI-2021-1.pdf> (accessed 15.06.2023);

³⁷ Vladisavljev S. 2022. Chinese Influence in Serbia. *Center for European Policy Analysis*. URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/chinese-influence-in-serbia/> (accessed 15.06.2023).

Общественное мнение Сербии на протяжении нескольких докризисных лет и, собственно, в течение кризиса стабильно демонстрирует русофильские настроения, а также нарастающую симпатию к Китаю. Это во многом идёт вразрез с официальной внешнеполитической линией Белграда. Такое положение вещей вводит сербское общество в сложный и даже опасный клинч противостояния с властью в вопросах определения внешнеполитических ориентиров и приоритетов. Официальная риторика и стратегические документы фиксируют безальтернативность европейского выбора, в то время как общественность активно выступает за активизацию сотрудничества с Россией и КНР. На этом фоне раздающиеся из Европы угрозы: «Если Вучич решит вести свою страну к присоединению к ЕС, у него будет поддержка правительства ФРГ. Если он решит пойти другим путём, последствия будут обратными»³⁸, могут лишь дестабилизировать ситуацию в стране.

Украинский маркер внешнеполитических ориентиров балканских стран

На этом сложности Запада в отношениях с Сербией не заканчиваются. Опросы общественного мнения касательно украинского кризиса уверенно показали «выпадающий» результат. 61% опрошенных обвинили США в развязывании войны, 51% – НАТО, 26% – Россию, 24% – Украину или ЕС³⁹.

Для сравнения дадим результаты в рамках того же опроса в Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине. Респонденты в Словении и Хорватии примерно одинаково ответили на вопрос «кто виноват» (возможен выбор более одного варианта): 71% – Россия, 37% – США, 22% – НАТО, 17% – Украина (Словения) и 9% – Украина (Хорватия)⁴⁰. В БиГ средние значения распределились следующим образом: 60% – Россия, 40% – США, около 25% – НАТО, более 10% – ЕС, примерно столько же – Украина. Однако боснийские результаты сильно зависят от локальной географии. Так, в Республике Сербской и районе Брчко 57% респондентов обвинили США и только 30% – Россию, а в Федерации БиГ (боснийско-хорватский энтитет) – наоборот: 79% – Россию и только 30% – США.

Такой общественный фон «выбивает» Сербию и Боснию-Герцеговину из общего ряда балканских стран при «распределении» их по имеющимся внешним векторам силы. Причём, с БиГ ситуация в этом смысле сложнее. Сербию при первом приближении традиционно относят к «пророссийскому» лагерю;

³⁸ Die Welt: ФРГ требует от Сербии определиться с союзниками. 2022. *News.ru*. 1.11.2022. URL: <https://news.ru/europe/die-welt-frg-vydvinula-serbii-ultimatum-iz-za-rossii/> (дата обращения: 15.06.2023).

³⁹ Serbians blame US and NATO for Ukraine war. 2022. *BNE IntelliNews*. 14 March. URL: <http://intellinews.com/serbians-blame-us-and-nato-for-ukraine-war-237960/> (accessed 15.06.2023).

⁴⁰ Ibid.

так же уверенно, как Албанию, Косово и СМ – к «прозападному»⁴¹. Выбор в отношении БиГ аналитически не столь очевиден, особенно, если говорить об общественном мнении и настроениях.

Здесь водораздел проходит, скорее, по внутренним линиям – внутри самого общества. Поэтому сербы Республики Сербской «распределяются» к сербам Сербии в российскую зону влияния, а боснийцы – в западную к «косовским албанцам и тем черногорцам, которые не ищут лидера в Белграде»⁴². Внутриполитическая неопределённость, как ни странно, лишила Запад возможности однозначно отнести к «своим» местных хорватов из-за невозможности спрогнозировать политическое поведение хорватских партий в условиях борьбы за власть⁴³. Период, когда нужно было срочно обозначить геополитическую позицию, очень точно охарактеризован как время «фокусирования местных политиков на своих индивидуальных националистических повестках», что «одновременно освобождало их от какой-либо серьёзной ответственности за свои действия»⁴⁴.

Рискуя вызвать некоторое недоумение, всё-таки проведем параллель (пусть она будет пунктирной) с Черногорией, только в смысле расколотого общества, где одна часть населения стала «проукраинским» лагерем, а вторая – «пророссийским»⁴⁵ (руководство страны предпочитает формулировку «проевропейские» и только так, однозначно и безальтернативно). Поэтому в сфере практической внешней политики Черногория может уверенно стоять в одном ряду с остальными «твердо прозападными» балканскими игроками. С 2006 г. внешнеполитические приоритеты руководства страны не менялись, невзирая на внутривнутриполитические изменения. И спустя пятнадцать лет звучит, что «идея евроинтеграции для Черногории не имеет альтернативы». Более того, словами бывшего главы МИД страны Дж. Радуловича, «идея евроинтеграции в Черногории доминирует настолько, что наше правительство не воспринимает влияние любой третьей стороны как нечто, что может сбить нас с этого пути»⁴⁶.

⁴¹ Russia's war further divides the Balkans. 2022. *GIS*. 24.03.2022. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/russia-ukraine-balkans/> (accessed 15.06.2023).

⁴² The Effect of the war in Ukraine on the Western Balkans. 2022. *International Institute for Strategic Studies*. Vol. 28. August. URL: <https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2022/the-effects-of-the-war-in-ukraine-on-the-western-balkans> (accessed 15.06.2023).

⁴³ Szczebra M. The Western Balkans: Russia's War on Ukraine and the Region's Enduring Challenges. Draft Report. 2022. *NATO Parliamentary Assembly*. Economics and Security Committee, Sub-Committee on Transition and Development. 05.10.2022. P. 9. URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2022-10/018%20ESCTD%2022%20E%20rev.1%20-%20WESTERN%20BALKANS%20-%20SZCZERBA%20REPORT.pdf> (accessed 15.06.2023).

⁴⁴ Bet-El I. 2022. Never waste a crisis. The war on Ukraine as a catalyst in the Balkans. *Royal Institute for International Relations*. 24.03.2022. URL: <https://www.egmontinstitute.be/never-waste-a-crisis-the-war-on-ukraine-as-a-catalyst-in-the-balkans/> (accessed 15.06.2023).

⁴⁵ As the Ukraine war rages, Montenegro's juggling act gets harder. 2022. *Aljazeera*. 20.05.2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/5/20/ukraine-war-means-difficult-juggling-act-for-montenegro> (accessed 15.06.2023).

⁴⁶ «Антироссийская риторика – ошибочный подход»: глава МИД Черногории – о внешнеполитических приоритетах и диалоге с РФ. 2021. *RT*. 10.04.2021. URL: <https://russian.rt.com/world/article/851100-interviju-chernogoriya-ministr-radulovich> (дата обращения: 15.06.2023).

Приведённые высказывания иллюстрируют ещё одну приверженность Черногории, уже внутри «прозападного» политического лагеря, а именно – европейскую. Об этом чётко говорят установочные документы МИД: интеграция в ЕС – стратегическая цель внешней политики Черногории⁴⁷. Текст, в отличие, например, от аналогичного албанского, вообще не содержит упоминания о НАТО, зато перечисляет многочисленные европейские программы, в которых Черногория состоит (более 30). Это важно, потому в «прозападном» лагере Балкан у Европы не так уж много собственных (отдельно от США) сторонников.

Черногория же полностью согласовывает свой курс в сфере внешней политики и безопасности с ЕС. Это включает и болезненно воспринимаемый в России вопрос санкций – Черногория примыкала ко всем антироссийским пакетам начиная с 2014 г. В оценке перспектив двусторонних отношений между Россией и Черногорией приходится исходить из того, что «будучи членом НАТО и активно стремясь в ЕС, Подгорица фактически лишена даже той степени внешнеполитического манёвра, которой располагает соседняя Сербия» (Искендеров 2020)⁴⁸.

Что касается Сербии, столь резкое расхождение с «остальной Европой» и даже «остальными Балканами» в оценке украинских событий, а более всего – отказ сербского руководства присоединиться к санкциям против России не остались незамеченными и нашли отражение в парламентской резолюции ЕС по событиям на Украине в марте 2022 г. Текст документа интересен не только адресованными Сербии «глубокими сожалениями» в связи с тем, что её позиция идёт вразрез с общеевропейской внешней политикой и политикой безопасности, и напоминаниями об ущербе, который это наносит процессу её вступления в ЕС. В резолюции прямо говорится о «настойчивых усилиях Российской Федерации по дестабилизации Западных Балкан и вмешательству в их демократические процессы»⁴⁹.

Обвинительные пассажи – часть стандартной риторики в условиях конфликта. В данном случае – конфликта между Россией и Западом. ЕС обвиняет Россию в «заходе» на чужую (не свою, но большей частью подконтрольную ему) территорию и вмешательстве в инициированные им процессы. В то же время ЕС пытается использовать трактуемые (особенно в самом начале СВО) как политический и правовой «промах» действия России, чтобы окончательно вытеснить её не только из региона Балкан, сколько из общественного сознания балканцев.

⁴⁷ European Union. *Government of Montenegro*. URL: <https://www.gov.me/en/article/european-union> (accessed 15.06.2023).

⁴⁸ Искендеров П. 2020. Черногорский разворот – итоги и перспективы. *Международная жизнь*. 02.09. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27326> (дата обращения: 15.06.2023).

⁴⁹ Resolution of 1 March of 2022 on the Russian aggression against Ukraine (2022/2564 (RSP)). *European Parliament*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0052_EN.html (accessed 15.06.2023)

Отсюда нажим на всех членов и кандидатов на вступление в ЕС с требованием публичного признания предложенных интерпретаций. При этом рисуется весьма далекая от реальности политическая картина балканского пространства.

Украинский кризис действительно ярче выделил разделительные линии (именно выделил, а не провёл). Задолго до него многочисленные трещины и даже разломы покрывали балканское пространство: по территориальным, этническим, экономическим, культурным, политическим, конфессиональным и иным основаниям. Рассмотрим некоторые из тех, что имеют прямое отношение к проблемам международной безопасности.

«Великая Албания» – «троянский конь» на Балканах?

В реальности разделение гораздо сложнее, чем это представляется со стороны ЕС в его дипломатических заявлениях и резолюциях. Выбором поддерживаемой стороны конфликта оно не ограничивается, а тянет за собой проблемы одну за другой – из числа множества таковых, созданных, помимо прочего, структурами самого Брюсселя, а также международными организациями. Проблемные зоны наблюдаются не только в балканских политиках-«спойлерах» (к коим западная пресса уже традиционно относит Сербию), но и в тех странах, которые подчёркнуто двигаются в фарватере европейской внешней политики.

Например, Албания, и политическое руководство, и население которой приветствовали вступление страны в НАТО, а инициативы в сфере внешней политики подчас сильно «опережают момент». В условиях обострения международной обстановки Тирана демонстрирует растущее раздражение «неспособностью ЕС дать зелёный свет вступлению»⁵⁰ страны в ряды его членов. Особые вопросы албанское руководство имеет к лидеру Союза – Франции, которая, по его мнению, довольствуется имеющимся оправданием в этой ситуации (в виде болгарского вето) и менять её не собирается. Похожая ситуация с надеждами на форсирование процессов евроинтеграции на фоне обострения международной обстановки и последующим разочарованием складывается в Северной Македонии.

Этот вопрос выходит далеко за рамки европейского поля, подводя вплотную к теме состязательности внешних игроков, в том числе внутри номинальных союзов. Албания, стремящаяся к сближению с западноевропейскими государствами по всем направлениям, включая военное, не видит ответного движения со стороны партнёров. У страны теперь есть военное соглашение с Турцией, оставляющее по преимуществу равнодушными сторонников европей-

⁵⁰ Massara G. 2022. How the Ukraine war deepens divisions across the Balkans. *Aspenia Online*. April 28. URL: <https://aspeniaonline.it/how-the-ukraine-war-deepens-divisions-across-the-balkans/> (accessed 15.06.2023).

ской интеграции и создающее конкурирующие и даже конфликтные нарративы в албанском обществе⁵¹. Так, сторонники «непоколебимой приверженности»⁵² западной ориентации усматривают в таком сотрудничестве опасность дрейфа от ЕС и погружения страны в орбиту турецкого влияния.

Кроме того, словами одного из депутатов албанского парламента, «в отсутствие каких-либо ощутимых обязательств со стороны ЕС, и, в частности, Западной Европы, Албания приветствует участие США в ... стране и регионе»⁵³. Представляется, что здесь есть доля лукавства: задолго до замедления интеграционных процессов у Албании и албанцев вообще (непреренно включая косовских) установились совершенно особые отношения с США. И если Сербия видится и в отечественной, и в зарубежной историографии как «форт-пост» России на Балканах, то Албания (и Косово) – как проводник американских интересов. В контексте внешнеполитических ориентаций и взаимодействия с мировыми лидерами сербы и албанцы выступают антиподами.

Их идейная борьба – непреренная часть внутривполитической мозаики и внешнеполитической повестки Западных Балкан. Рассмотрим её подробнее сквозь призму т.н. «албанского фактора». Поскольку, во-первых, этот ракурс охватывает сразу несколько локальных политий: Албанию, Косово и Сербию (но не только с косовской проблемой), западную Македонию, юго-восточную Черногорию и даже северо-западную Грецию (Пономарёва 2018: 101; Туров 2014: 39). Во-вторых, сама «великоалбанская идея» обращена «не только и не столько в прошлое, сколько в будущее» и служит «в качестве исторического прикрытия и обоснования планов будущего территориального «переформатирования» Балканского полуострова в выгодном этническом албанским радикалам смысле» (Искендеров 2015: 270). Наконец, в-третьих, албанский вопрос никогда не был чисто балканским сюжетом: он всегда рассматривался и актуализировался ведущими акторами сквозь призму своих интересов.

Албанский национализм (албанизм) неоднократно рассматривался как значимый и даже решающий фактор албанской внешней политики (Гуськова 2003: 17; Терзич 2015: 96). В российской историографической традиции он преимущественно имеет отрицательную коннотацию, тогда как на Западе и конкретно в США национализм албанцев считался «продуктом национально-освободительного антиколониального движения, подобно национализму в странах Азии и Африки в период борьбы за независимость, и потому однозначно восприни-

⁵¹ Albanian Turkish Relations – the Perils of Change. Foreign Policy and International Relations. 2022. *Tirana Observatory*. March 9. URL: https://tiranaobservatory.com/2022/03/09/albanian-turkish-relations-the-perils-of-change/#_ftn1 (accessed 15.06.2023).

⁵² Talking Albania's foreign policy. In-depth interview with A. Rakipi. (AIIS Director). 2016. *Tirana times*. May 27. URL: <https://www.tiranatimes.com/?p=127767> (accessed 15.06.2023).

⁵³ Massara G. 2022. How the Ukraine war deepens divisions across the Balkans. *Aspenia Online*. April 28. URL: <https://aspeniaonline.it/how-the-ukraine-war-deepens-divisions-across-the-balkans/> (accessed 15.06.2023).

мался американскими политиками позитивно» (Киясов 2012: 57-58). В отличие от национализма и в целом «непоколебимо отрицательного имиджа» (Энтина 2022: 491), например, сербов.

Существует гипотеза, что опора на албанских националистов стала одним из ключевых элементов успеха региональной стратегии НАТО на Балканах в 1990–2000-е гг. (Коренев 2017: 93). Это гармонирует с выводами о стратегии Вашингтона в отношении внутренних процессов на Балканах как «открытом разыгрывании карты национализма» (Энтина 2022: 492), сдвигая, впрочем, рамки начала процесса «управления национализмами» от кризиса в Косово к заре сотрудничества Албании с НАТО. Видится доля иронии в том, что в итоге Запад использовал «самого маленького советского сателлита» точно в таком – пропагандистском – качестве, в каком предполагал его использование Советский Союз⁵⁴. Ведь именно Албания, как считают занимающиеся вопросом историки, стала в 1990-х генератором националистических идей и центром увлечённых ими албанцев (Искендеров 2012: 43-44). Впрочем, согласимся с закономерностью и естественностью того, что «албанское государство ... играет первостепенную роль и оказывает влияние на албанцев, живущих в других регионах» (Милё 2002: 144). Следует согласиться и с тем, что, во-первых, даже в рамках «позитивного и реалистичного подхода к албанскому вопросу» чаяния «наиболее ответственных албанских кругов» предполагают пересмотр существующих границ и объединение всех зон с албанским населением с последующей интеграцией в евроатлантические структуры или без неё.

Во-вторых, и в рамках предложенного подхода не оспаривается факт навязанной борьбы великосербской и великоалбанской идей с мощной поддержкой извне на стороне последней (Милё 2002: 136-137). По большому счёту, с помощью «Великой Албании» громилась «Великая Сербия», а на деле – уничтожались притязания наиболее вероятного претендента на лидерство в регионе, заодно – любые комбинации региональных объединений, кооперации и интеграции под нежелательной (читай – российской) эгидой. Таким образом, в этом кейсе мы находим ещё одно эмпирическое подтверждение концепции «баланса угроз» С. Уолта. Особенно важным здесь является четвёртый критерий конфликтности – наличие/отсутствие агрессивных, в том числе ревизионистских замыслов (Walt 2013).

Наконец, в-третьих, несмотря на охранительные попытки албанских и отчасти западных интеллектуалов представить ревизионистские идеи маргинальными, по крайней мере, в самой Албании (Lampe, Mazower 2006: 236), опросы албанцев в Косово, Македонии и других районах с албанским населением де-

⁵⁴ Dedijer V. 1951. Albania, Soviet Pawn. *Foreign Affairs*. October 1. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1951-10-01/albania-soviet-pawn> (accessed 15.06.2023).

монстрировали высокий индекс восприимчивости и вовлечённости. Стоит отметить, что результаты наиболее известного и широко цитируемого как в России, так и за рубежом масштабного исследования 2010 г.⁵⁵ в целом не отражают предлагаемого на протяжении той же декады более «осторожного» видения великоалбанской тематики. Согласно представленным цифрам, не менее 2/3 респондентов в Албании выразили поддержку данной концепции. Единственным нюансом в пользу теории «умеренности» может быть названо пятипроцентное снижение показателей собственно для Албании – с 68% в 2009 г. до 63% в год опроса⁵⁶. Оно нивелируется активным использованием паналбанской риторики для привлечения электората в преддверии выборов 2013 г., хотя практически каждый новый отчёт на эту тему подчёркивает неэффективность националистического инструментария в том избирательном цикле и отсутствие ожидаемых от его задействования итогов⁵⁷.

В Косово и Македонии, словно иллюстрируя предположение о возможном всплеске интереса к националистическим конструкциям на фоне объявления независимости бывшего края Сербии в 2008 г., был отмечен значительный рост (в 2010 г. по отношению к 2008-му): с 44 до 53% среди албанцев Македонии и с 54 до 81% – в Косово⁵⁸. Косвенно эти данные также открывают дополнительные опции албанской политической элите в создании и сохранении дистанции с выходящим из-под контроля экспансионистским национализмом, в определённой степени позволяют сводить его в риторике к «специфическим экстремистским группировкам в Косове, Македонии или других местах» (Austin 2006).

Нетрудно заметить, что и подобные изыскания по «великоалбанской» тематике, и попытки отмежеваться от неё приходится на одно десятилетие и хронологически следуют за сигналами о том, что «руководству НАТО стало понятно, что необходимо скорректировать “албанский” компонент своей региональной стратегии на Балканах» (Коренев 2017: 95). Думается, сужение фокуса с альянса прицельно на США в данном ключе будет оправданным и несколько более продуктивным. Националистический идеал албанцев к тому времени уже сыграл «важную роль в крушении концепции Великой Сербии и свержении президента Милошевича», и теперь «идея Великой Албании вступала в противоречие с политикой США, направленной на создание на Балканах небольших государств с прозападными правительствами, находящимися в зависимости от Соединённых Штатов» (Киясов 2010: 80).

⁵⁵ Insights and Perceptions: Voices of the Balkans. 2010. *Gallup Balkan Monitor*. URL: <http://reforma.bezbednost.org/wp-content/uploads/downloads/2012/09/2010-Balkan-Monitor-Insights-and-Perceptions-Voices-of-the-Balkans-GALLUP-i-European-Fund-for-the-Balkans.pdf> (accessed 15.06.2023).

⁵⁶ Ibid. P. 47.

⁵⁷ *The Albanian Geopolitical Factor in the Western Balkans*. 2020. P. 47. URL: <https://epi.org.mk/wp-content/uploads/The-Albanian-Geopolitical-Factor-in-the-Western-Balkans-Final-For-Web.pdf> (accessed 15.06.2023). Прим.: проведённое исследование значительно отличается от предшествующих масштабных опросов – по числу респондентов, формулировке вопросов и т.д.

⁵⁸ Ibid.

Таким образом, предусмотрительность местной элиты в отношении «великоалбанской» националистической проблематики выглядит обусловленной, если не продиктованной внешними обстоятельствами. Смена риторики коснулась не только албанских внешнеполитических нарративов. В глобальном масштабе дискурс также претерпел значительные изменения. Недавние исследования подчёркнуто иначе формулируют проблему. Начиная с установочных утверждений о том, что, несмотря на неоднозначность его демократического бэкграунда, «политический фактор этнических албанцев был непоколебим в своей поддержке и усилиях по укреплению сотрудничества и продвижению евроатлантической интеграции региона»⁵⁹. Сквозь эту призму, в общем, и рассматривается роль и значение албанизма на Балканах и шире – во всей Европе.

Собственно концепту «Великой Албании» уделено немного места. Представленные результаты, скорее, иллюстрируют все предлагаемые ранее интересующейся аудитории интерпретации. Главным образом, это слабое развитие и текущий статус идеи в самой Албании⁶⁰, более высокий (как среди политических элит и лидеров, так и среднестатистических жителей-албанцев) – на условной «периферии», но с передачей первенства от Косово к Северной Македонии по отдельным показателям (сравнивая с 2010 г.). Лидерство последней определяется не совокупным процентом влиятельных местных политиков, выразивших поддержку албанскому национализму: он высок и в Косово, и в Албании (76.6%; 86.1% и 76.2% соответственно), а числом его однозначных приверженцев – 20%. Для сравнения: лишь 3.4% в Косово и 0% (!) таковых в Албании⁶¹.

Албанский национализм фигурирует как «исторически признанный» не экспансионистским и не инициативным⁶², но доказавшим свою способность отвечать на внешние угрозы при столкновении с экзистенциальным вызовом. Отсюда делается вывод: важно рассматривать его движущие силы с позиции более широкого спектра, включающего триггеры, выходящие за рамки его внутренних характеристик. К числу триггеров отнесены «геополитические проблемы регионального характера», формирующие будущее развитие этого национализма. Это «требует понимания потенциальных конкурирующих сил, которые могут выступить триггерами и пробудить албанский национализм»⁶³. В частности, это события и другие этнические национализмы в регионе.

⁵⁹ *The Albanian Geopolitical Factor in the Western Balkans*. 2020. URL: <https://epi.org.mk/wp-content/uploads/The-Albanian-Geopolitical-Factor-in-the-Western-Balkans-Final-For-Web.pdf> (accessed: 30.11.2022).

⁶⁰ *Ibid.* P. 59, 61.

⁶¹ Градации и показатели: «однозначно поддерживаю» – 20%, «в общем, поддерживаю» – 20%, «умеренно поддерживаю» – 23.3%, «немного поддерживаю» – 13.3%, «вообще не поддерживаю» – 23.3% (Северная Македония).

⁶² *The Albanian Geopolitical Factor in the Western Balkans*. 2020. P. 64–65. URL: <https://epi.org.mk/wp-content/uploads/The-Albanian-Geopolitical-Factor-in-the-Western-Balkans-Final-For-Web.pdf> (accessed 15.06.2023).

⁶³ *Ibid.* P. 64.

Иными словами, геополитическая роль албанского фактора предстаёт в строго конструктивном ключе (как якорь и для развития, и для демократизации, и регионального сотрудничества, и т.п.). Характер объявлен оборонительным – в ответ на экзистенциальные угрозы этносу. Прогнозы развития – в прямой зависимости от расстановки сил. Внешнеполитическое значение албанского национализма в такой трактовке практически сведено к минимуму.

Подобные характеристики и прогнозы в корне отличны от российского понимания этого явления. И стремительный дипломатический «забег» Косово, и быстрая внешнеполитическая мобилизация Албании сразу после начала украинского кризиса говорят о правоте российских экспертов. Высказываемые упреки в адрес руководства Республики Сербской в том, что в российском решении по Украине оно «изначально видело возможность для достижения их цели по разделению Боснии и Герцеговины»⁶⁴, могут столь же обоснованно адресоваться властям Косово, а также других районов с албанским населением на полуострове. Можно согласиться с мнением, что на фоне происходящих событий на Украине косовское руководство пытается стать «бенефициаром крупной повестки», актором которой оно не является⁶⁵.

Заключение

Подводя итог, отметим, что нечто подобное на «слабом фланге Европы»⁶⁶ уже наблюдалось в ходе предыдущего украинского кризиса – и по «расстановке» локальных игроков, и по стратегиям (Калоева 2016: 38). В наступившей «большой игре» ставки выросли значительно. Политическое лавирование малых игроков стало больше напоминать политическое жонглирование ими со стороны лидеров мировой политики. С обострением противоборства между ними, которое, к слову, ещё не вступило в решающую фазу, давление на Балканы будет только возрастать. На фоне раздражающего российского и китайского влияния США и союзники полны «новой решимости помочь региону»⁶⁷.

⁶⁴ Krastev I. 2022. We Are All Living in Vladimir Putin's World Now. *The New York Times*. Guest essay. 02.07. URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/27/opinion/putin-russia-ukraine-europe.html> (accessed 15.06.2023); Szczebra M. 2023. The Western Balkans: Russia's War on Ukraine and the Region's Enduring Challenges. Draft Report. *NATO Parliamentary Assembly*. Economics and Security Committee, Sub-Committee on Transition and Development. P. 6. 15.06. P. 6. URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2022-10/018%20ESCTD%202022%20E%20rev.1%20-%20WESTERN%20BALKANS%20-%20SZCZERBA%20REPORT.pdf> (accessed 15.06.2023).

⁶⁵ Сыграть на кризисе: как Косово собирается в ускоренном режиме вступить в НАТО и разместить у себя базу США. 2022. *RT*. 28.02. URL: <https://russian.rt.com/world/article/969045-kosovo-nato-voennaya-baza-ssha> (дата обращения: 15.06.2023).

⁶⁶ Massara G. 2022. How the Ukraine war deepens divisions across the Balkans. *Aspenia Online*. April 28. URL: <https://aspensiaonline.it/how-the-ukraine-war-deepens-divisions-across-the-balkans/> (accessed 15.06.2023).

⁶⁷ Economic and Security Committee (ESC). Sub-Committee on Transition and Development (ESCID). 2022. *NATO Parliamentary Assembly*. October 5 URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2022-10/018%20ESCTD%2022%20E%20rev.1%20-%20WESTERN%20BALKANS%20-%20SZCZERBA%20REPORT.pdf> (accessed 15.06.2023).

Конкретно для Сербии и Республики Сербской как условных союзников России это означает усиление давления не только в среднесрочной перспективе, но и, буквально, «вчера». Обострение в середине декабря 2022 г. ситуации на севере Косово, которое подвигло правительство Сербии сделать запрос командованию KFOR о «возвращении до 1000 (!) военнослужащих и полицейских в Республику Косово и Метохию»⁶⁸ для защиты сербского населения, стоит рассматривать как одно из проявлений такого давления. Закономерно (в духе неореализма) разрешения на ввод своих частей Белград не получил, но сам факт обращения является свидетельством усиления напряжённости не только по линии сербы – косовские албанцы, но и по линии Белград – Брюссель.

В долгосрочной перспективе чётко прочерченные ещё в процессе разрушения СФРЮ и соцлагеря трещины и разломы будут углубляться. Главная игра будет вестись в сербском пространстве (БиГ, Сербия) при активизации сопряжённых с ними региональных субъектов. Вкупе с введёнными санкциями и попытками изоляции России это, по замыслу союзников по натовской коалиции, должно ускорить «переосмысление ситуации» в Белграде и Баня-Луке. Причём внимание НАТО прежде всего обращено на БиГ. Основная борьба в ближайшее время будет вестись именно за этого особо уязвимого внутри (Дейтонская конструкция) и вовне (внешняя политика Сараево и Баня-Луки по ряду вопросов отличается кардинально) политического субъекта.

Что же касается остальных участников «пять плюс один», то в плане военной безопасности альтернативы Североатлантическому альянсу на ближайшую перспективу для Албании, Подгорицы, Скопье и Приштины нет. При этом экономическое и политическое доминирование ЕС для всех стран региона во многом зависит не столько от исхода украинского кризиса, сколько от запущенного им глобального реформирования системы международных отношений.

Об авторах:

Елена Сергеевна Арляпова – кандидат политических наук, научный сотрудник Института системно-стратегического анализа (ИСАН), 111398, Москва, Кусковская ул., д. 16.
Email: elena.s.arlyapova@gmail.com

Елена Георгиевна Пономарёва – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, 119454, Москва, Пр. Вернадского, 76.
Email: nastya304@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

⁶⁸ Сербия направила запрос на размещение сербских сил в Косово. 2022. РБК. 16.12. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/12/2022/639c76a69a7947c72367c894?ysclid=lbuqli75wh306955173> (дата обращения: 15.06.2023).

UDC: 327
Received: December 21, 2022
Accepted: April 2, 2022

Cracks and Fault Lines: Foreign Policy Orientations of Western Balkan Capitals in the Context of the Ukrainian Crisis

E.S. Arlyapova¹, E.G. Ponomareva²
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-153-179](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-153-179)

¹ Institute of System-Strategic Analysis (ISSA)

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation

Abstract: The Ukrainian crisis has reverberated throughout the troubled region of the Balkans in Southern Europe, exposing deep-seated cracks and fractures that have long characterized this geopolitical area. The crisis has not only highlighted divisions between local states but also between communities and ethno-religious groups. In many cases, these intraregional contradictions are exacerbated by external actors and their demands. This article examines the foreign policy priorities and orientations of Western Balkan capitals within the "five plus one" format states (Albania, Bosnia and Herzegovina, Montenegro, North Macedonia, Serbia, and the partially recognized "Republic of Kosovo") in light of the crisis in Ukraine, illustrating the interplay between regional dynamics and international crises.

Drawing on a wide range of sources, including official documents and opinion polls on foreign policy, this paper identifies regional discrepancies in the perception and assessment of the ongoing Ukrainian conflict. The study employs a historical-systemic approach and neorealism principles to discern potential directions for political institutions in the external context. The analysis reveals that a fragile "balance of threats" persists in the region, heavily influenced by the goals and interests of external actors such as the EU, NATO, the United States, Russia, and to a lesser extent, China and Turkey.

The military and political disengagement observed in 2022 mirrors the alignment of local players witnessed in 2014, but with a significant difference: the West now expects all participants in the "five plus one" format to fully adhere to their joint foreign policy, including implementing restrictive measures against the Russian Federation. This presents a challenging dilemma for Belgrade and Banja Luka, as they cannot overlook the widespread support for Russia's actions among the Serbian population. Any anti-Russian steps taken by local authorities may lead to serious internal political conflicts in both Serbia and Republika Srpska, with far-reaching implications for regional stability.

Keywords: Western Balkans, «five plus one», foreign policy, EU, NATO, Russia, China, USA, Ukrainian crisis

About the authors:

Elena S. Arlyapova – PhD (Political Science), Institute of System-Strategic Analysis (ISSA). Russia, 16, Kuskovskaya St., Moscow, 111398. Email: elena.s.arlyapova@gmail.com

Elena G. Ponomareva – Doctor of Political Science, Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation. Russia, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 1194547. Email: nastya304@mail.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

Arlyapova E., Ponomareva E., Prorokovic D. 2022. NATO's Capabilities in Global Governance: On the Balkan Scene. *International Organisations Research Journal*. 17(2). P. 208-223. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-09

Austin R.C. 2006. Greater Albania: The Albanian Case and the Question of Kosovo, 1912–2001 (Ch. 9). *Ideologies and National Identities: The Case of Twentieth-Century Southeastern Europe*. New Edition (online). Budapest: Central European University Press.

F.N.-B. 1952. The Albanian Mystery: Russia's Least-Known Satellite. *The World Today (Royal Institute of International Affairs)*. 8(11). P. 466-473.

Hodge C. 2010. *Britain and the Balkans: 1991 until the presents*. Routledge. 314 p.

Lampe J., Mazower M. 2006. *Ideologies and National Identities: The Case of Twentieth-Century Southeastern Europe*. New Edition (online). Budapest: Central European University Press. 320 p.

Stepić M. 2020. Kosovo i Metohija: Geopolitički Aspekti Brzog Rešenja i Zamrznutog Konflikta. *Nacionalni interes*. XVI(38). (In Serbian)

Stronski P. 2022. Russia in the Balkans after Ukraine: A Troubling Actor. *Carnegie Politika*. URL: <https://carnegieendowment.org/politika/87959>

Walt S.M. 2013. *The Origins of Alliance*. New York: Cornell University Press. 336 p.

Waltz K.N. 2010. *Theory of International Politics*. Long Grove: Waveland Press. 251 p.

Dutkevich P. 2022. Grandiozny`j raskol [A Tremendous Split]. *Russia in Global Affairs*. 20(6). P. 22-34. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-6-22-34 (In Russian)

Entina E.G. 2022. *Nezapadny`e Balkany* [The Non-Western Balkans]. Moscow: Galaktika, ID «Zebra E». 656 p. (In Russian)

Fenenko A.V. 2019. *Neorealizm v politicheskoy teorii. Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya* [Neorealism in Political Theory. Contemporary Political Science: Methodology]. Moscow: Aspekt Press. P. 61-83. (In Russian)

Gus`kova E.Y. 2003. *Albanskoe secessionistskoe dvizhenie v Kosove* [The Albanian Secession Movement in Kosovo]. The Albanian factor of crisis in the Balkans. Moscow: INION RAN. P. 7-50. (In Russian)

Iskenderov P.A. 2012. «Velikaya Albaniya»: teoriya i praktika [The “Great Albania”: Theory and Practice]. *History issues*. №1. P. 31-46. (In Russian)

Iskenderov P.A. 2015. Problema Kosovo: istoriografiya mifov [The Kosovo Problem: Historiography of the Myths]. *Slavs and Russia*. №1. P. 269-302. (In Russian)

Kaloeva E.B. 2016. *Zapadnye Balkany i krizis v Ukraine* [The Western Balkans and the Crisis in Ukraine]. Strany` Vostochnoj Evropy` i ukrainskij krizis (2013–2015). Moscow: INION RAN. P. 29-54. (In Russian)

Kandel` P. 2018. Chto novogo v strategii na Zapadny`x Balkanax? [What is New in the Strategy in the Western Balkans?] *Contemporary Europe*. №5. P. 17-24. DOI: 10.15211/sov-europe520181724 (In Russian)

Kiyasov A.S. 2010. «Zavershaya nachatuyu rabotu»: politika respublikanskoj administracii SShA na Zapadny`x Balkanax v 2000-e gody. [“Having the Started Work Done”: the U.S. Republican Administration Policy Towards the Western Balkans in the 2000-s]. *Vestnik of Samara State University*. №79. P. 79-83. (In Russian)

Kiyasov A.S. 2012. *Vneshnepoliticheskij kurs SShA na Zapadny`x Balkanax (1990-2000e gg.)* [The U.S. Foreign Policy Course in the Western Balkans (1990–2000s)]. PhD papers. Kazan'. 258 p. (In Russian)

Knyazeva S.E. 2021. Problema vstupleniya v ES Balkanskix stran i rasshireniya ES v kontekste cennostnoj modeli Evropejskogo Soyuza [The Problem of the EU Integration of the Balkan Countries and the EU Enlargement in the Context of the Value Model of the European Union]. *Current problems of Europe*. 2(110). P. 176-193. DOI: 10.31249/ape/2021.02.08 (In Russian)

Korenev E.S. 2017. Albanskij faktor v regional`noj strategii NATO na Balkanax v 1990-2000e gody [The Albanian Factor in NATO's Regional Strategy in the Balkans in 1990–2000s]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. History and International Relations*. 17(1). P. 92-98. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-92-98 (In Russian)

Milyo P. 2002. «Velikaya Albaniya»: fikciya ili realnost`? [The “Great Albania”: Fiction or Reality?] The Albanian crisis factor in the Balkans. Moscow: INION RAN. P. 125-145. (In Russian)

Nikulin A.A. 2018. Princip «etnichnosti» vo vneshnej politike Velikobritanii i kosovskij krizis 1999 goda [The Principle of “Ethnicity” in Foreign Policy of Great Britain and the Kosovo Crisis of 1999]. *Bulletin of State and Municipal Administration*. 3(29). P. 70-78.

Ponomareva E. 2020. Quo Vadis, Serbia? *Russia in Global Affairs*. 1(69). January/March. P. 158-179. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-158-179\

Ponomareva E.G. 2018. Albanskij faktor destabilizacii Zapadnyh Balkan: scenarij`j podhod [The Albanian Factor of Destabilization in the Western Balkans: the Scenario Approach]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(59). P. 99-124. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124 (In Russian)

Ponomareva E.G., Kry`kanov D.D. 2020. Balkanskoe dyhanie Pekina. Strategiya i taktika kitajskogo prisutstviya v stranax Zapadnyh Balkan [The Beijing's Balkan Breath: Strategy and Tactics of Chinese Presence in the Western Balkans Countries]. *Politeia*. 1(96). P. 117-137. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-117-137 (In Russian)

Shherbak I. 2021. Zapadnye Balkany v strategii Evrosoyuza [The Western Balkans in the EU Strategy]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe*. №3. P. 41-71. DOI: 10.15211/vestnikieran320214147 (In Russian)

Terzich S. 2015. Staraya Serbiya (XIX-XX vv.). *Drama odnoj evropejskoj civilizacii* [The Old Serbia (19–20th Centuries). The Drama of One European Civilization]. Moscow: Veche. 480 p. (In Russian)

Turov N.L. 2014. Ideologicheskij proekt «Velikaya Albaniya» na sovremennoj politicheskoy karte mira [The “Great Albania” Ideological Project on Modern Political World Map]. *Comparative Politics*. 4(17). P. 39-44. (In Russian)

Vinogradov V.N. 1991. *Britanskij lev na Bosfore* [British Lion on the Bosphorus]. Moscow: Nauka. 160 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

- Виноградов В.Н. 1991. *Британский лев на Босфоре*. Москва: Наука. 160 с.
- Гуськова Е.Ю. 2003. Албанское сепаратистское движение в Косове. *Албанский фактор кризиса на Балканах*. Москва: ИНИОН РАН. С. 7-50.
- Дуткевич П. 2022. Грандиозный раскол. *Россия в глобальной политике*. 20(6). С. 22-34. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-6-22-34
- Искендеров П.А. 2012. «Великая Албания»: теория и практика. *Вопросы истории*. №1. С. 31-46.
- Искендеров П.А. 2015. Проблема Косово: историография мифов. *Славяне и Россия*. №1. С. 269-302.
- Калоева Е.Б. 2016. Западные Балканы и кризис в Украине. *Страны Восточной Европы и украинский кризис (2013–2015)*. Москва: ИНИОН РАН. С. 29-54.
- Кандель П. 2018. Что нового в стратегии на Западных Балканах? *Современная Европа*. №5. С. 17-24. DOI: 10.15211/soveurope520181724
- Киясов А.С. 2010. «Завершая начатую работу»: политика республиканской администрации США на Западных Балканах в 2000-е годы. *Вестник СамГУ*. №79. С. 79-83.
- Киясов А.С. 2012. *Внешинополитический курс США на Западных Балканах (1990–2000-е гг.)*. Дисс. канд. ист. н. Казань. 258 с.
- Князева С.Е. 2021. Проблема вступления в ЕС Балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского союза. *Актуальные проблемы Европы*. 2(110). С. 176-193. DOI: 10.31249/ape/2021.02.08
- Корнев Е.С. 2017. Албанский фактор в региональной стратегии НАТО на Балканах в 1990-2000е годы. *Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 17(1). С. 92-98. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-92-98
- Милё П. 2002. «Великая Албания»: фикция или реальность? *Албанский фактор кризиса на Балканах*. Москва: ИНИОН РАН. С. 125-145.
- Никулин А.А. 2018. Принцип «этничности» во внешней политике Великобритании и косовский кризис 1999 года. *Вестник государственного и муниципального управления*. 3(29). С. 70-78.
- Пономарёва Е.Г. 2018. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: сценарный подход. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(59). С. 99-124. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124
- Пономарёва Е.Г., Крыканов Д.Д. 2020. Балканское дыхание Пекина. Стратегия и тактика китайского присутствия в странах Западных Балкан. *Полития*. 1(96). С. 117-137. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-117-137
- Терзич С. 2015. *Старая Сербия (XIX–XX вв.)*. Драма одной европейской цивилизации. Москва: Вече. 480 с.
- Туров Н.Л. 2014. Идеологический проект «Великая Албания» на современной политической карте мира. *Сравнительная политика*. 4(17). С. 39-44.
- Фененко А.В. 2019. Неореализм в политической теории. *Современная политическая наука: Методология*. Москва: Аспект Пресс. С. 61-83.
- Щербак И. 2021. Западные Балканы в стратегии Евросоюза. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. №3. С. 41-71. DOI: 10.15211/vestnikieran320214147
- Энтина Е.Г. 2022. *Незападные Балканы*. Москва: Галактика, ИД «Зебра Е». 656 с.